

М-ме Обарди стояла у постели, слишком разстроенная, чтобы вполне уяснить себя, въ чемъ дѣло, но почти угадывая тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое и составляло ея силу. Такъ какъ Иветта не могла говорить, потому что слезы душили ее, то мать, потерявъ наконецъ терпѣніе и сознавая, что страшное объясненіе неизбежно, рѣзко спросила:

— Да скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, что съ тобой?

Иветта съ трудомъ проговорила:

— Сегодня ночью... я видѣла... твоё окно.

Маркиза, поблѣднѣвъ, замѣтила:

— Ну такъ что-жъ такое?

Дочь повторяла, рыдая:

— Ахъ! мамаша, мамаша!

М-ме Обарди, въ которой страхъ и смущеніе начинали переходить въ гнѣвъ, пожала плечами и повернулась, чтобы уйти.

— Ты, право, съ ума сошла! Когда это кончится, пришли мнѣ сказать.

Но молодая дѣвушка вдругъ отняла руки отъ заплаканнаго лица:

— Нѣтъ... послушай... я должна съ тобой поговорить. Общай мнѣ... Мы уѣдемъ обѣ далеко, далеко, въ деревню, и будемъ жить какъ крестьянки и никто не узнаетъ, куда мы дѣлись. Скажи, мамаша, ты согласна, да! прошу тебя, умоляю, согласишься!

Растерявшаяся маркиза остановилась посреди комнаты. У нея въ жилахъ текла простонародная кровь, кровь гнѣвливая. Къ этому примѣшивался материнскій стыдъ, пополамъ съ неопредѣленнымъ чувствомъ страха, раздраженіе страстной женщины, опасавшейся за свою любовь, и она не знала: просить ли ей прощенія или прибѣгнуть къ насилію.

— Я тебя не понимаю, — сказала она.

Иветта продолжала:

— Я тебя видѣла... ма... мамаша... сегодня ночью... Не надо больше... еслибы ты знала... мы уѣдемъ обѣ. Я буду такъ любить тебя, что ты забудешь.

М-ме Обарди произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Послушай, дочка. Есть вещи, которыхъ ты еще не понимаешь. Ну вотъ... не забывай... никогда не забывай... что я запрещаю тебѣ... говорить со мной... объ этихъ вещахъ.

Но молодая дѣвушка, внезапно возвращаясь къ роли спасительницы, принятой ею на себя, сказала:

— Нѣтъ, мамаша, я больше не ребенокъ и имѣю право знать. Ну и вотъ я узнала, что мы принимаемъ людей, пользуясь